

оригинальная статья

eLibrary EDN: XDQFTJ

Пушкинский текст в творчестве алтайского поэта В. М. Башунова

Богумил Татьяна Александровна

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 9735-2959

<http://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Scopus Author ID: 57217034302

tbogumil@mail.ru

Аннотация: На материале лирики и эссеистики алтайского поэта Владимира Мефодьевича Башунова охарактеризована авторская рецепция пушкинского текста и мифа. Данный ракурс исследования представляется востребованным в силу того, что личность и судьба гения стали предметом неиссякаемого интереса алтайского поэта в проекции на собственное творчество и жизнь. Целью статьи стало заполнение малоизученной области пушкинского текста на материале поэзии и эссеистики В. М. Башунова. Методологическим основанием работы выступил интертекстуальный подход с привлечением приемов биографического, структурно-семиотического и мифопоэтического подходов. Биографические факты и художественные произведения А. С. Пушкина оказались источником аллюзий, цитат и реминисценций для стихотворений В. М. Башунова. В «Эссе о Пушкине» создан литературный образ гения, обозначены базовые символы его поэтики (Сад, Дверь, Путь, берег, пестрая поляна), отмечены ведущие мотивы (пира у бездны на краю, останки прекрасного мгновения, творческого уединения, любви к осени, щедрой растраты дара). Орфический миф о поэте-жертве, гибнущем на пике славы и успеха, дополнен психологическими характеристиками, которые раскрывают симпатичные эссеисту человеческие черты почитаемого писателя. Тоска о не встрече с А. С. Пушкиным отчасти компенсируется умиротворенным соединением с ним в природе родного края, в результате чего малая родина (Алтай) вписывается в национальную картину мира, созданную классиком.

Ключевые слова: интертекст, сверхтекст, алтайский текст, региональная литература, мотив, миф, В. М. Башунов, А. С. Пушкин

Цитирование: Богумил Т. А. Пушкинский текст в творчестве алтайского поэта В. М. Башунова. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 170–178. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-170-178>

Поступила в редакцию 15.07.2025. Принята после рецензирования 29.09.2025. Принята в печать 29.09.2025.

original article

Pushkinian Echoes in the Works of Altai Poet Vladimir Bashunov

Tatyana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 9735-2959

<http://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Scopus Author ID: 572170343022

tbogumil@mail.ru

Abstract: The article describes the poetic oeuvre of Vladimir Bashunov (1946–2005) and the way it echoes the so-called Pushkin's myth. The Altai poet projected Alexander Pushkin's life on his own poetry and essays. The intertextual approach with biographical, structural-semiotic, and mythopoetic methods made it possible to explain how Pushkin's biography and poetry turned into an inexhaustible source of allusions for Bashunov's poems. In his Essay on Pushkin, Bashunov created a literary image of the great poet with such core poetic symbols as Garden, Door, Path, Shore, and Meadow. The leading motives included a feast at the edge of the abyss, a fair

moment frozen in time, the creativity of solitude, love of autumn, a talent wasted, etc. The Orphic myth of the poet-as-sacrifice killed at the peak of his fame is supplemented by the psychological traits that make the much-revered figure of Pushkin human and dear to Bashunov. He wished he had met Pushkin and compensated for this impossible wish by noticing Pushkinian echo in the nature of the Altai mountains. This creative effort incorporated the Asian highlands into the national myth created by Alexander Pushkin.

Keywords: intertext, supertext, Altai text, regional literature, motif, myth, Vladimir Bashunov, Alexander Pushkin

Citation: Bogumil T. A. Pushkinian Echoes in the Works of Altai Poet Vladimir Bashunov. *SibScript*, 2026, 28(1): 170–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-170-178>

Received 15 Jul 2025. Accepted after peer review 29 Sep 2025. Accepted for publication 29 Sep 2025.

Введение

Термин *пушкинский текст* был введен в литературоведение Б. М. Гаспаровым. В книге «Литературные лейтмотивы» он подчеркнул, что читательское восприятие пушкинских произведений опосредовано их интерпретациями русскими писателями: «Бесчисленное количество таких ретроспективных проекций из последующей культурной традиции, в их многократных перечислениях, создает ту смысловую среду, в которой для нас существует феномен "пушкинского текста"» [Гаспаров 1993: 276]. Функционирование пушкинского текста в подобном рецептивном ключе продемонстрировал анализ лирики современных поэтов: «Кушнер читает "серьезного" Пушкина через посредство Тютчева, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, а Пригов – Пушкина "иронического" – с помощью Гоголя, Достоевского, Хлебникова, Хармса, Олейникова» [Кузьмина 1999: 116]. В литературоведении прослежен процесс становления отдельных сегментов пушкинского текста русской литературы, описано эхо некоторых сильных произведений (прецедентных текстов, кластеров) в последующей литературной традиции: «Я вас любил...» [Жолковский 2005: 390–431], «Жил на свете рыцарь бедный...» [Меднис 2003] и др. Выявлено, что к пушкинской двуединой модели поэта-пророка (ветхозаветный миф) и поэта-художника (древнегреческий миф об Орфее) восходят две генеральные линии в последующей русской литературе: учительная и эстетическая [Собенников 2024]. Научное описание пушкинских принципов письма [Якобсон 1987: 145–180], канона [Гершензон 1919: 13, 14], поэтического мира

[Жолковский, Щеглов 1996: 240–260] позволило эксплицировать инвариантные темы и мотивы творчества писателя, ранее интуитивно ощущаемые наиболее чуткими читателями [Жолковский 2005: 13–45]. К примеру, мотив превосходительного покоя [Жолковский, Щеглов 1996: 240–260], мотив родословной [Шатин 2024] и др.

На научных конференциях последних лет в изобилии представлены исследования интертекстуальных взаимодействий писателей с творчеством классика¹ [Доманский 2025]. Впрочем, важно указать вслед за Н. Е. Меднис, что для любого именного сверткста принципиально наличие не только обширного интертекстуального ареала вокруг значимой для данной культуры персоны, но и сформированного цельного художественного кода о ней [Меднис 2003]. Данный код основан на художественной системе А. С. Пушкина, подвергавшейся общественной (писательской, критической, исследовательской) рефлексии, в результате чего происходила мифологизация личности, биографии, творческого наследия автора [Загидуллина 2001; Шатин 2000; Шеметова 2010]. Согласно наблюдениям Ю. В. Шатина, при жизни А. С. Пушкина в критике конкурировали хронологические концепции его статуса как «родоначальника» или «завершителя» русской литературы. После смерти поэта культурный миф прошел три аксиологические стадии: генерализации («Пушкин – это наше все»), феноменологизации («Мой Пушкин») и деконструкции («Анекдоты о Пушкине») [Шатин 2007: 183]. Выявление и описание составляющих самого важного именного сверткста русской

¹ Болдинские чтения: Междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 9–13 сентября 2023 г.) Н. Новгород: ННГУ, 2024. 266 с. <https://elibrary.ru/mcrazd>; Пушкинская традиция в русской культуре: язык, литература, медиадискурс: Национ. науч. конф. (Кемерово, 17–19 октября 2024 г.) Кемерово: КемГУ, 2025. 164 с. <https://elibrary.ru/iebcck>; Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: XXIX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2024 г.) СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. 380 с. <https://elibrary.ru/nrcabe>

культуры остается одной из насущных задач современной филологии, несмотря на достигнутые значительные успехи в этой области [Лошаков, Шушарин 2016: 124].

Целью настоящей статьи стало заполнение малоизученной области пушкинского текста на материале поэзии и эссеистики В. М. Башунова.

Методы и материалы

В основе изучения любого авторского сверхтекста лежит интертекстуальный подход. Дополнительно привлечены приемы и методы биографического, структурно-семиотического, мифопоэтического подходов. Материал исследования составили эссе, лирика, письма Владимира Мефодьевича Башунова (1946–2005 гг.), уроженца и жителя Алтая. В постперестроечное время В. М. Башунов создал цикл радиопередач «Русский гений» об А. С. Пушкине. В 1999 г. вышла книга «Этюды о Пушкине». Прозаичный *пестрый сор* (290), (VI: 201)², по авторскому самоопределению и пушкинской цитате, набрасывает абрис личности гениального предшественника в единстве биографической и творческой судьбы. Одновременно эта книга является автометаописательным ключом к личности и поэтике самого В. М. Башунова. Говоря об А. С. Пушкине, он расставляет акценты, важные для себя. Иными словами, «Этюды о Пушкине» представляют собой опыт феноменологизации художественной системы классика.

Результаты

Вчитывание, вдумывание, вглядывание В. М. Башунова в ускользающую, неисчерпаемую тайну А. С. Пушкина облекается в символы: Сад, Дверь, Путь. Мир, созданный писателем, подобен возвращенному им Саду (здесь эссеист развивает идею В. В. Розанова о жизни А. С. Пушкина как прогулке по Саду Божию). Взгляд в потаенные закоулки человеческого духа и души – есть Дверь. Творческая уникальность – это Путь, которым *ни русский человек, ни русская литература... не последовали* (291). Естественно, *цельного и полного восприимства* (292) и быть не могло. Народная тропа, конечно,

не заросла. Однако, подобно гениальному Моцарту из маленькой трагедии, поэт наследника не оставил.

Смерть А. С. Пушкина становится отдельной темой размышлений алтайского писателя. Это, конечно, не случайно. Трагическая жертвенная гибель в расцвете сил является завершающим мотивом в орфическом мифе о поэте. В. М. Башунов с горькой иронией отмечает подмену живого чувства коммеморативными практиками: *Поэтов в России любят, «но странную любовью»: оно как-то лучше, спокойней как-то, когда и они успокоятся – на кладбищах, в портретах, неподвижных памятниках* (295). Эссеист призывает вернуться назад, к Пушкину (295). Это возвращение начинается с реконструкции детской травмы – *нелюбимое дитя в семье родной* (III (1): 319). В. М. Башунов намечает важные факты биографии А. С. Пушкина (две ссылки, Болдинская осень), рисует его подлинный портрет, вступающий в противоречие с литературным стереотипом (светлокожий шатен, а не смуглый курчавый брюнет), любовно перебирает драгоценные для себя поэтические находки стихотворца, восхищается естественностью его речи в письмах.

В. М. Башунов рассуждает о мировоззрении А. С. Пушкина. Алтайский писатель определяет не пейзажно-географическое, а символическое значение словосочетания *берег милый для меня* (III (1): 184) из произведения «Зимнее утро» (1829 г.). *Берег*, обеспечивающий прочные основы бытия зрелого А. С. Пушкина, триедин – это деревня, семья, вера в Бога. Профессиональные пушкинисты, изучив весь корпус стихотворений поэта, отмечают полярность значения лексемы *берег*: от катастрофичности до блаженства [Козубовская 2006: 66]. Однако эссеист фиксирует только те смыслы, которые входят в резонанс с его собственными жизненными ценностями³. Так, в стихотворении «Мои часы» мир организован по-пушкински: *Не тикая, идут часы мои / в кругу природы, родины, семьи* (15). Дополняет психологический портрет гения чувство патриотизма и дружества, понимание ценности покоя и бытовой независимости. *Самостояние поэта, доверие к себе* (325) – главное условие его существования.

² Здесь и далее в круглых скобках даны страницы по изданию: Башунов В. М. Избранное: Стихотворения. Этюды. Барнаул, 2005. 352 с. В круглых скобках указан номер тома и страницы по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.-Л.: АН СССР, 1937–1959.

³ Ср. аналогичное выборочное подхватывание аспектов пушкинского значения берега в цикле эссе А. И. Герцена «С другого берега» и романе В. В. Набокова «Другие берега» [Образцова 2024].

В. М. Башунов выделяет слово, неизменно притягивающее А. С. Пушкина, одно из ключевых, нутряных, что напрямую связаны с сердцебиением поэта, его мироощущением (318). Это слово *пёстрый*. Чем оно притягательно, остается без ответа: *Какая связь здесь таится и какая тайна? Увы, кто бы надомил, кто бы подсказал* (320). Для В. М. Башунова принципиальна непостижимость и неисчерпаемость гения: *тайна Пушкина, ускользая, так и остается тайной: ей тесно и скучно в оболочке определений* (291).

«Этюды о Пушкине» представляют собой плод многолетних раздумий алтайского поэта о загадке универсального творческого духа. В письме В. Я. Курбатову Владимир Мефодьевич признавался: *Меня всю жизнь, со школы, преследовали мечтания о Пушкине*⁴. Закономерно, что ранние стихотворные опыты начинающего автора включали в себя лирические зарисовки по поводу биографии кумира. Так, дебютную книгу лирики «Поляна» завершает микроцикл «Пушкин», состоящий из трех стихотворений (в последующих книгах В. М. Башунова цикл не воспроизводился).

Первое – «Пирушка» – насыщено аллюзиями на факты биографии классика, а также реминисценциями его произведений. Не случайно *пирушка* и *Пушкин*⁵ параграмматически перекликаются. «Фамильное» скопление звуков использовалось поэтом для автопортретирования, о чем свидетельствуют наблюдения В. В. Мароши: *Шипи, шампанское в стекле; В казачью шапку пуни нальем – / и пить давайте снова!..; А в час пирушки холостой / Шипенье пенистых бокалов / И пуниша пламень голубой; Зададим гостям пирушку / Зарядим картечью пушку* [цит. по: Мароши 2000: 89].

В культуре мотив пира как метафоры яркой жизни тесно связан с мотивом смерти – «пир во время чумы». Начинается «Пирушка» с вопрошания: *Когда всё это начиналось: / балы, дуэли, Натали? Всё это – не называемое прямо, страшное, табуированное – смерть*. Иными словами, что послужило причиной гибели поэта? Первая версия – защита чести жены на дуэли. Вторая – намек на подлость завистника

из маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» (1830 г.): *Вино ли ядом начиналось? Третье предположение: Друзья ли вовремя не шли? Четвертый вариант – политический: А в государственные двери / уже послушники стучат. / Уже стучат, уже доносят / О кутеже и мятеже*. Мистическим предзнаменованием падает звезда. Вопрос *Когда всё это начиналось?* сменяется противоположным: *И если кончится, – когда? Всё это оказывается самой жизнью*. Смерть отсрочена, более того, не обязательна: *если кончится*. А пока есть санные виражи, песни и пляски цыган, вдохновенье, ждущая старушка... Мир застывает на пике благополучия: *Ещё не кончена пирушка. /Еще не брошено перо*⁶.

Второе стихотворение цикла называется «Михайловское». В его основе лежит контраст между столичной светской и деревенской духовной жизнью поэта. Перо, которое в предыдущем стихотворении *еще не брошено*, как бы подхватывается и направляется в ослепительный бег⁷.

Завершает цикл стихотворение с цитатным заглавием «Осень» (в ее пушкинском восприятии): *Пора последнего отлета, / та благодатная пора, / когда легко идет работа / ума, и сердца, и пера*. Далее варьируется тема первого стихотворения: роковая дуэль, о которой не ведает поэт, мотив остановки прекрасного мгновения: *эх, пой же, няня. Няня, пой!*⁸ Таким образом, в данном цикле поднимается обязательная для пушкинского мифа тема смерти поэта, однако мотив неизбежности ее прихода вытесняется мотивом наслаждения жизнью у *бездны мрачной на краю* (VII: 180).

Во второй книге В. М. Башунова «Васильковая вода» (1975 г.) опубликовано стихотворение «Приезд Пушкина». Лирический субъект совпадает с пушкинским идеалом: семейный, в деревне, с книгой. Вдруг в сенях хлопают двери, некто представляется: *Александр Сергеевич Пушкин*. И вновь, как в цикле «Пушкин» и в «Эссе о Пушкине», имя поэта окружено тайной, вопросами: *Пошутить ли захотели? / Померещилось ли так? Лишь след полозьев на снегу у крыльца, да колокольчик дальний свидетельствуют о том, что А. С. Пушкин – был*⁹.

⁴ Отблеск твой мою память колышет... Воспоминания о поэте Владимире Башунове. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2010. С. 90.

⁵ Здесь и далее в цитатах слова выделены полужирным шрифтом автором статьи.

⁶ Башунов В. М. Поляна. Стихи. Барнаул: Алт. кн. изд., 1970. С. 43–44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ Башунов В. М. Васильковая вода. Стихи. Барнаул: Алт. кн. изд., 1975. С. 56–57.

Мотив неувидимого присутствия является определяющим в пушкинском мифе В. М. Башунова (ср. в «Эссе о Пушкине»: *Он только что был здесь, на полянке...* (327)). Неспособность продолжить гения, невозможность личной, а не книжной встречи – увыв, разминувшись – неизменный предмет грустных размышлений В. М. Башунова об А. С. Пушкине: *Хоть бы на киноплёнке его живого вполглаза посмотреть...*¹⁰ Одновременно есть радостное ощущение, что А. С. Пушкин всегда рядом, дает опору: *Пушкин стал реальным утешением. То с одного боку успокоит, то с другого*¹¹.

Подобно А. С. Пушкину, В. М. Башунов пишет письма жене в цикле «Три письма из деревни» (книга стихов «Погляди, светает», 1982 г.). В «Этюдах о Пушкине» В. М. Башунов цитирует впечатливший его в детстве фрагмент письма: Что это значит, жена? Вот уж более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? в Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуйста, женка, брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя... (316–317). Сходная интонация в первом стихотворении цикла – «Июньское»:

Анна Дмитриевна,
Аня,
моя чудная жена <...>
Что же
не жалеешь ты меня! <...>
Что же ты не залетаешь
в наше дальнее село?
Или может не скуцаешь?
Или просто мне назло?¹²

Искренняя эмоция вторит естественности пушкинского слога, которой восхищался алтайский писатель: *Полная раскрепощенность! Яркое ощущение непосредственного разговора, когда собеседники сидят рядышком и никто им не мешает; разговора без всяких письменных условностей, естественного, непринужденного, легко перескакивающего с одного на другое, уклоняющегося в разные стороны* (316).

Это было последнее стихотворение, где В. М. Башунов столь очевидным образом обращался к биографии своего кумира. В последующей лирике аллюзии на жизнь А. С. Пушкина сходят на нет.

Однако пушкинские строки неизменно присутствуют в стихотворениях В. М. Башунова. Явно – в эпиграфах, оформленных цитатах, авторских комментариях. Скрыто – в лексических и ритмических реминисценциях. Данное обстоятельство неоднократно фиксировалось исследователями [Хомич 2009; Шелковникова 2006; Шленская 2009]. Преподаватель и один из первых критиков алтайского поэта Г. М. Шленская отмечала, что «Володя и входил в поэзию с мыслью о Пушкине» [Шленская 2009]. В качестве доказательства литературовед привела стихотворение «Вершится таинство в природе...», опубликованное в первой книге «Поляна» (1970 г.), а затем перепечатанное почти в каждом последующем сборнике, что свидетельствует о важности данного произведения для автора. Изначально тексту был предпослан эпиграф *Уж небо осенью дышало...* (VI: 89) – цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В последующих публикациях эпиграф снят, поскольку та же фраза воспроизводится в финале стихотворения, подводя итог созерцанию пейзажа: *Здесь ничего б не помешало / Присесть к пеньку и начертать: / «Уж небо осенью дышало», – / когда бы знать, как продолжать* (78). В самом начале творческого пути В. М. Башунова уже звучит та болезненная тема, что потом будет сформулирована в «Этюдах о Пушкине»: отсутствие наследника у гения.

Ритмической приметой пушкинского текста в стихотворении В. М. Башунова является предпочитаемый классиком четырехстопный ямб. Семантический ореол данного размера вполне очевиден: *И в наши дни живут размеры / прекрасной пушкинской поры*¹³, – написал В. М. Башунов позднее в книге «Васильковая вода» (1975 г.). Словосочетание *И в наши дни* является цитатой из «Сонета» («Суровый Дант не презирал сонета...») (1830 г.): *И в наши дни пленяет он поэта* (III (1): 214). На формальном уровне (размер) традиция воспроизводится, но конгениальное классикой продолжение вряд ли возможно.

¹⁰ Отблеск твой... С. 90.

¹¹ Там же.

¹² Башунов В. М. Погляди, светает: новые стихи. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. С. 31.

¹³ Башунов В. М. Васильковая вода. С. 7.

Другие следы пушкинского текста в стихотворении «Вершится таинство в природе...» – мотив созидательного уединения вкупе с мотивом любви к осени, самому плодотворному сезону года: *Как я люблю об эту пору / бывать один, вдали от всех* (78). Сравним со знаменитыми строками из стихотворения «Осень» (1833 г.): *Унылая пора! очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса – / Люблю я пышное природы увяданье...* (III (1): 320). Пространство видится созерцателем по-пушкински: *И на неприбранной поляне / на целый день решаю я / остаться в пёстром балагане...* (78). В «Этюдах о Пушкине» слово *пёстрый* является несомненным знаком пушкинского текста, как и *поляна*: *Он только что был здесь, на полянке, и примятая им трава не успела распрямиться, и дыханье не рассеялось* (327). Вся первая книга лирики «Поляна», как ретроспективно понимает читатель (и автор?) через три десятилетия после ее выхода, навеяна осязаемым присутствием А. С. Пушкина.

Органичным продолжением элегии «Вершится таинство в природе...» видится другое стихотворение из сборника «Поляна» – «Переломился месяц о трубу...» (в нем подхватывается пушкинский образ незримого труда природы). Не случайно в посмертном сборнике В. М. Башунова «Избранное» (2005 г.) оба произведения опубликованы рядом. Сравним:

*Вершится таинство в природе.
Уже незримая рука
В лесу, на речке, в огороде
Всего коснулась слегка* (78).
*И вновь во мне заговорило чувство
Любви к природе и её труду
незримому. <...>
Как просто разбазарила она себя вокруг.
Как ярко и беспечно. <...>
Как будто бы не надо побережь
на будущее всё своё уменье.
Как будто завтра оборвётся пенё,
и на губах заиндевет речь* (79).

Использованный здесь прием олицетворения природы, на первый взгляд, лишен конкретики. Однако более пристальное взглядывание позволяет

увидеть лик А. С. Пушкина. Мотив смерти природы / певца-поэта сопряжен с мотивом «разбазаривания» блага. В «Этюдах о Пушкине» эти два мотива пушкинского текста обозначены вполне отчетливо: *Щедрыми пригоршнями сыплет Пушкин по сторонам свои драгоценные поэтические кристаллы, мимоходом, – пишет эссеист. И вспоминает пушкинскую строку: Свой дар как жизнь я тратил без вниманья* (313). Сходным образом в стихотворении В. М. Башунова «Золотой запас» (ср. *золотой век русской поэзии*) о детстве в таежной деревне Алтая дух земли призывается *тратить... без меры, / раздавая во все концы*¹⁴. Природа и поэтический талант у В. М. Башунова объединены мотивом расточительной и бескорыстной траты.

В художественном мире алтайского поэта малая родина последовательно ощущается сквозь призму пушкинского текста. Так, пушкинский хронотоп поляны появляется в стихотворении с примечательным названием «На родине», спасает от сердечной боли: *...не грустишь, / когда на праздничных полянах, / на влажных просеках гостишь*¹⁵. Или, к примеру, стихотворение «Мотив»¹⁶ опубликовано с эпиграфом из «Моцарта и Сальери» (1830 г.): *Там есть один мотив...* (VII: 132). Продолжение цитаты следующее: *Я все твержу его, когда я счастлив...* (VII: 132). Лирический субъект стихотворения грустит об утраченном рае детства, когда изредка бывает *в родном краю* (28). Синтаксическая организация пушкинской фразы *Там <есть> что-то*, осознанно или нет, но напомнила В. М. Башунову другой текст, организованный нанизыванием однородных конструкций: начало первой песни «Руслана и Людмилы» (1824 г.) с перечислением сказочных чудес Лукоморья. В «Мотиве» воспроизведен четырехстопный ямб, перекрестная рифмовка и тот же принцип текстопостроения, что и во вступлении к поэме, но с заменой указательного местоимения *там* на *где*. Лексическими маркерами пушкинского текста являются также слова, вынесенные в конечную рифменную позицию. Сравним: *где на захвоенной дорожке* (27) и *Там на неведомых дорожках* (IV: 5); *Он сам собой средь сосен бродит* (28) и *...там леший бродит* (IV: 5). Упоминаемые в поэме тридцать витязей, выходящих на берег из моря, появляются еще в «Сказке о царе Салтане» (1831 г.). Отсылкой к этому

¹⁴ Башунов В. М. Погляди, светает. С. 6.

¹⁵ Башунов В. М. Васильковая вода. С. 85.

¹⁶ Впервые в: Башунов В. М. Возвращение росы: Новые стихи. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. С. 18–20.

произведению А. С. Пушкина стало антропоморфное превращение реально существующей на Алтае реки Лебедь: *где река блаженно / течет – и дремлет, как царица, / царица Лебедь, / дочь тайги* (27). В произведениях многих алтайских, и не только, авторов существует семантическая связь понятий *родина – река – речь* [Богумил 2024: 99]. Элегический настрой стихотворения В. М. Башунова связан с воспоминаниями о былой полноте бытия: золотого века собственного детства и литературы. Таким образом, исторически и географически конкретный локус Алтая в поэзии В. М. Башунова преобразуется в художественный пейзаж, вписывается во вневременное, осененное А. С. Пушкиным, пространство русской культуры.

В свете отмеченных трансформаций показательно произведение «Ручей»¹⁷ с эпиграфом-рефреном из «Осени»: *Журча еще бежит за мельницу ручей* (III (1): 318). Данной цитатой интертекстуальный уровень стихотворения не ограничивается. Как бы продолжая строчку А. С. Пушкина, в первой строфе упоминается сосед, собирающийся на охоту: *В полях смиренных, / в пору, как двустолку / отладит мой сосед, чтоб половчей / пальнуть по утке, зайцу или волку* (39). Эти строки являются парафразом пушкинских: *...сосед мой поспешает / В отъездные поля с охотою своей* (III (1): 318). После рефрена, завершающего первую строфу и половину стихотворения, бытовая зарисовка переключается в метафорический план: ручей как элемент ландшафта превращается в ручей-речь. Лирический субъект смиренно принимает, что *есть ручьи моложе и бойчей* (39) – наличествуют юные и дерзкие конкуренты на поэтическом поприще. Безропотно констатирует, что высоты гения ему не достичь: *на Тверском звучит у пьедестала / глагол иных, незнанных речей* (39). Говоря другими словами, у скульптуры Александра Пушкина слышен не только *всяк сущий [на Руси] язык* (III (1): 424), как прогнозировалось в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836 г.), но русского классика настигла всемирная слава. В этом контексте завершающее стихотворение и тем самым троекратно повторенное предложение *Журча еще бежит за мельницу ручей* становится эквивалентом заклинания *Нет, весь я не умру!* (III (1): 424).

Пусть мельницы самой давно не стало (39), несмотря ни на что А. С. Пушкин – жив, покуда есть его почитатели и продолжатели. Лирический субъект В. М. Башунова вынужден существовать в постпушкинском энтропийном времени (*Сиротство без Вас оглушительно – не оставляйте нас* (329)), иногда спасительно приобщаясь к миру вечной природы и гения.

Последнее стихотворение В. М. Башунова, где есть эпиграф из А. С. Пушкина, «Суета», было опубликовано в книге «Полынья» (1998 г.). Предложение *На свете счастья нет, / но есть покой и воля...* (III (1): 330) взято из стихотворения «Пора, мой друг, пора...» (1834 г.). В молодости лирика В. М. Башунова резонировала с другой, более радостной, пушкинской эмоцией. Так, любовное стихотворение «Чернеет сбруя на коне...» предваряла цитата из стихотворения «На холмах Грузии...» (1829 г.) – *Печаль моя светла* (III (1): 158), а завершала солидарное со смыслом претекста обыгрывание фразы: *И правда, что была печаль. / Печаль была светла*¹⁸. Напротив, в зрелом возрасте, а «Полынь» В. М. Башунов публикует, когда ему уже за пятьдесят лет, новые тексты ощутимо печальнее, если не сказать тоскливее. В «Суете» эпиграф дан как своего рода спасительный маяк, утешительная мудрость от авторитетного человека. Однако жизненный опыт на сей раз противоречит пушкинскому афоризму: *Счастья нет; неужели не будет / ни покоя, ни воли ни в чем?* (226). Надежда хотя бы на толику благополучия призрачна, неустойчива. Но все-таки она – есть, а дает ее – А. С. Пушкин.

Заключение

Проведенное исследование позволило заполнить очередную лакуну пушкинского текста русской культуры – описать проекцию личности и произведений классика на творчество одного из самых талантливых поэтов Алтая – Владимира Мефодьевича Башунова. С юности увлеченный феноменом А. С. Пушкина, В. М. Башунов досконально изучал его жизнь, многократно вдумчиво перечитывал наследие классика. Итогом многолетней рефлексии алтайского писателя стали стихотворения, обыгрывающие факты биографии и / или созвучные образу мысли и слогу почитаемого автора,

¹⁷ Впервые в: Башунов В. М. Пейзаж: Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1988.

¹⁸ Башунов В. М. Василькова вода. С. 76.

а также мифологизированный литературный портрет А. С. Пушкина. В. М. Башунов раскрывает значение ключевых символов (Сад, Дверь, Путь, берег, пестрая поляна, осень), выявляет наиболее существенные мотивы творчества, дополняет традиционный орфический миф о жертвенной смерти поэта в расцвете лет психологически достоверными характеристиками: детская травма отверженности избывается самостоянием поэта, доверием к себе. Не просто опора на биографию и тексты А. С. Пушкина, но следование «индивидуальной характерности» писателя [Казин и др. 2023: 115; Сквозников 2007], позволяют сделать вывод, что пушкинская традиция стала органичной основой мировидения и поэтического языка В. М. Башунова.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00496 «Образ Алтая в сибирском тексте русской культуры», <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00496: The image of Altai in the Siberian text of Russian culture, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00496/>

Литература / References

- Богумил Т. А. Геопоэтика Алтая в русской литературе XX – начала XXI вв. Барнаул: АлтГПУ, 2024. 364 с. [Bogumil T. A. *Geopoetics of Altai in Russian literature of the 20th – early 21st centuries*. Barnaul: ASPU, 2024, 364. (In Russ.)] <http://doi.org/10.37386/978-5-907487-66-6>
- Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М.: Наука; Вост. лит., 1993. 304 с. [Gasparov B. M. *Literary leitmotifs: Essays on Russian literature of the 20th century*. Moscow: Nauka; Vost. lit., 1993, 304. (In Russ.)]
- Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М.: Т-во Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. 230 с. [Gershenzon M. O. *Wisdom of Pushkin*. Moscow: T-vo Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve, 1919, 230. (In Russ.)]
- Доманский В. А. Пушкинский текст русской классики. *Русская литература в иностранной аудитории*: XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15 ноября 2024 г.) СПб.: РГПУ, 2025. С. 8–19. [Domansky V. A. Pushkin's text of Russian classics. *Russian literature in a foreign audience*: Proc. XVI Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 15 Nov 2024. St. Petersburg: RSPU, 2025, 8–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ppnpdg>
- Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. 654 с. [Zholkovsky A. K. *Selected articles on Russian poetry: Invariants, structures, strategies, and intertexts*. Moscow: RSUH, 2005, 654. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrhamr>
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: инварианты – тема – приемы – текст. М.: Прогресс; Универс, 1996. 341 с. [Zholkovsky A. K., Shcheglov Yu. K. *Poetics of expressiveness: Invariants – theme – techniques – text*. Moscow: Progress; Univers, 1996, 341. (In Russ.)]
- Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: ЧелГУ, 2001. 244 с. [Zagidullina M. V. *The Pushkin myth in the late 20th century*. Chelyabinsk: ChelSU, 2001, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rblwzd>
- Казин А. Л., Круглов Р. Г., Осипова Г. Г., Хлыстунова С. В., Цветаева М. Н., Федосеенко Н. Г. и др. Пушкинское наследие в отечественной культуре: текст и прочтение. СПб.: СПбГИКиТ, 2023. 226 с. [Kazin A. L., Kruglov R. G., Osipova G. G., Khlystunova S. V., Tsvetaeva M. N., Fedoseenko N. G. et al. *Pushkin's legacy in Russian culture: Text and reading*. St. Petersburg: SPbSUFT, 2023, 226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtnafd>
- Козубовская Г. П. Русская литература: миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2006. 326 с. [Kozubovskaya G. P. *Russian poetry: Myth and mythopoetics*. Barnaul: BSPU, 2006, 326. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyvuyf>
- Кузьмина Н. А. Пушкинский текст в современной поэзии. *Вестник Омского университета*. 1999. № 2. С. 108–117. [Kuzmina N. A. Pushkin's text in modern poetry. *Herald of Omsk University*, 1999, (2): 108–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwlltv>

- Лошаков А. Г., Шушарин И. А. Прологомены к концепции пушкинского текста русской литературы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 5. С. 117–127. [Loshakov A. G., Shusharin I. A. Prolegomena to the concept of Pushkin text in Russian literature. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, (5): 117–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.5.117>
- Мароши В. В. Имя автора (историко-типологические аспекты экспрессивности). Новосибирск: НГУ, 2000. 348 с. [Maroshi V. V. *Author's name: Historical and typological aspects of expressiveness*. Novosibirsk: NSU, 2000, 348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcvzdz>
- Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с. [Mednis N. E. *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk: NSPU, 2003, 170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxhjaj>
- Образцова К. В. Мифологема «берег» в прозе А. И. Герцена и В. В. Набокова: проблема пушкинского текста. *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: XI (XXV) Междунар. науч.-практ. конф. (Томск, 18–20 апреля 2024 г.)* Томск: ТГУ, 2024. С. 372–376. [Obraztsova K. V. The "shore" mythologeme in the prose of A. I. Herzen and V. V. Nabokov: The problem of A. S. Pushkin's text. *Actual problems of linguistics and literary studies: Proc. XI (XXV) Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tomsk, 18–20 Apr 2024. Tomsk: TSU, 2024, 372–376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dfbdta>
- Сквозников В. Д. Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 213 с. [Skvoznikov V. D. *Pushkin tradition*. Moscow: IMLI RAS, 2007, 213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtcnqx>
- Собенников А. С. Миф о поэте в русской литературе: А. С. Пушкин. *Сибирский филологический журнал*. 2024. № 3. С. 125–135. [Sobennikov A. S. The myth of the poet in Russian literature: Alexander Pushkin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2024, (3): 125–135. (In Russ.)] <http://doi.org/10.17223/18137083/88/8>
- Хомич Э. П. Лирический текст В. Башунова: угол зрения и рефлексия понимания. *Текст: проблемы и методы исследования*, ред. Э. П. Хомич. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 29–42. [Khomich E. P. Lyrical text by V. Bashunov: Angle of view and reflection of understanding. *Text: Problems and methods of research*, ed. Khomich E. P. Barnaul: AltSPA, 2009, 29–42. (In Russ.)]
- Шатин Ю. В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации. *Сибирская пушкинистика сегодня*, ред. В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп. Новосибирск: Б. и., 2000. С. 231–238. [Shatin Yu. V. Pushkin's text as an object of cultural communication. *Siberian Pushkin studies today*, eds. Alekseev V. N., Dergacheva-Skop E. I. Novosibirsk, 2000, 231–238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtthek>
- Шатин Ю. В. Имплицитный мотив и его роль в сюжете А. С. Пушкина. *Сюжетология и сюжетография*. 2024. № 3. С. 5–13. [Shatin Yu. V. Implicit motive and its role in the plot of A. S. Pushkin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya*, 2024, (3): 5–13. (In Russ.)] <http://doi.org/10.25205/2713-3133-2024-3-5-13>
- Шатин Ю. В. Пушкинский дискурс в русской критике. *Критика и семиотика*. 2007. № 11. С. 183–191. [Shatin Yu. V. Pushkin's discourse in Russian criticism. *Kritika i Semiotika*, 2007, (11): 183–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vulnaj>
- Шелковникова Л. Ф. Основные мотивы и образы в лирике Владимира Башунова. *Региональный компонент в школьном образовании: краевая науч.-практ. конф. (Барнаул, 22–23 марта 2006 г.)* Барнаул: АКППРО, 2006. С. 120–129. [Shelkovnikova L. F. Main motifs and images in Vladimir Bashunov's lyrics. *Regional component in school education: Proc. Regional Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 22–23 Mar 2006. Barnaul: AKIPKRO, 2006, 120–129. (In Russ.)]
- Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в русской культуре. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 10. С. 201–207. [Shemetova T. G. Pushkin's myth: The functioning in the modern literature. *Bulletin of Buryat State University*, 2010, (10): 201–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztdqjb>
- Шленская Г. М. Светлая роща Владимира Башунова. *Сибирские огни*. 2009. № 2. [Shlenskaya G. M. Vladimir Bashunov's sunlit grove. *Sibirskie ogni*, 2009, (2). (In Russ.)] URL: <https://www.sibogni.ru/content/svetlaya-roshcha-vladimira-bashunova> (accessed 8 Jul 2025).
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с. [Iakobson R. O. *Works on poetics*. Moscow: Progress, 1987, 464. (In Russ.)]